

DOI 10.15393/j9.art.2017.4461

УДК 821.161.1.09“18”

Игорь Алексеевич Виноградов*Институт мировой литературы им. А. М. Горького**Российской академии наук**(Москва, Российская Федерация)*

info@imli.ru

КОСМОПОЛИТ ИЛИ ПАТРИОТ? КОНЦЕПЦИЯ ПАТРИОТИЗМА В СПОРАХ С ГОГОЛЕМ И О ГОГОЛЕ

Аннотация. В статье ставится вопрос о понимании патриотизма Н. В. Гоголем и В. Г. Белинским. Проблема рассматривается в широком контексте взаимодействия и противостояния славянофильства и западничества. Изучаются истоки расхожего ошибочного мнения, будто Гоголь своим «славянофильством» был обязан Аксаковым. В основу положена неизученная история происхождения одного из полемических высказываний Белинского о Гоголе как писателе, который будто бы до 1839 года недостаточно любил Россию и даже был «поэтом-космополитом». В этой связи рассматривается особая позиция семейства Аксаковых в отношении к религиозно-патриотическим взглядам Гоголя. Анализируются мемуарные свидетельства о Гоголе Аксакова-отца, Сергея Тимофеевича, принявшего в 1840 году точку зрения Белинского и отразившего ее позднее в своих мемуарах о Гоголе, а также характер взаимоотношений в 1830 — 1840-х гг. Гоголя и Константина Аксакова. Излагаются воззрения Гоголя, касающиеся проблемы различия мнимого и истинного патриотизма. Определяется место Гоголя в противостоянии славянофилов и западников.

Ключевые слова: Гоголь, западники, славянофилы, биография, идеология, творчество, интерпретация, герменевтика, концепт, патриотизм

Полемика В. Г. Белинского с Н. В. Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) хорошо известна и достаточно изучена. Однако остается, по крайней мере, один важный вопрос, никогда при рассмотрении этой полемики не затрагивавшийся. Сформулировать его можно следующим образом: кто является бóльшим патриотом в этом споре — западник Белинский, грезящий о переустройстве России по западноевропейским меркам, или близкий к славянофилам — и по духу, и по неизменному кругу общения — Гоголь? Содержание «Тараса Бульбы» и «Выбранных мест из

переписки с друзьями» подразумевает вполне однозначный ответ на этот вопрос. В то время, когда продолжатель Белинского Н. Г. Чернышевский, двадцатилетний «красный республиканец и социалист» (по его собственному признанию), мечтает о «поражении <...> русских» в Венгрии [51, 297], Гоголь со страниц вышедшей книги обращается к современникам с прямым призывом: «любить Россию». (Название одной из статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Нужно любить Россию», однако патриотическое начало пронизывает буквально каждую главу этого уникального в нашей литературе сочинения; см.: [31].)

Белинскому, тем не менее, ответ на вопрос, кто из двоих — он или Гоголь — или шире — западники или славянофилы в целом — более заслуживали по своим убеждениям звание настоящих патриотов, виделся иначе. Однажды он даже попытался переубедить на этот счет друзей Гоголя — семейство Аксаковых, в чем, к сожалению, и преуспел.

Следует иметь в виду, что полемика Белинского с Гоголем возникла отнюдь не в 1847 году — она началась и продолжалась, то затухая, то возобновляясь, с 1835 года — с выхода в свет «Миргорода» (см.: [19, 347–363]). Вопрос о патриотизме также был поднят в этой полемике задолго до публикации «Выбранных мест из переписки с друзьями» — и тоже был спровоцирован Белинским. Эта проблема носит не только узко биографический, но и общий историко-литературный характер.

Парадоксальный факт: в 1840 году Белинский, известный своим западничеством, не признающий для России самобытного пути развития, обвиняет Гоголя, автора «Тараса Бульбы», ни много ни мало — в космополитизме! И, к сожалению, ему верят. И кто верит?! Не кто иной, как друзья Гоголя — славянофилы Аксаковы. Эта история сама по себе требует того, чтобы в ней разобраться. Хотя она «состарилась» к настоящему времени уже более чем на полтора века, но, к сожалению, данный эпизод в полемике Белинского с Гоголем до сих пор не привлекал к себе внимания исследователей. Одной из причин этого является непростая биографическая канва событий.

Отсчет истории следует начать с того, как 12 августа 1840 года в Петербурге умер зять С. Т. Аксакова Г. И. Карташевский. Сергей Тимофеевич, стремясь поддержать свою родную сестру Надежду Тимофеевну, вдову Карташевского, а также с целью лишний раз навестить обучавшихся в Петербурге сыновей Григория, Ивана и Михаила, приезжает вместе с дочерью Верой в Петербург. Здесь отец и дочь Аксаковы пробыли около трех месяцев — с начала сентября до начала декабря 1840 года. В этот период Аксаков неоднократно встречался в Петербурге с давним другом семьи, бывшим «москвичом» Белинским. (Белинский в годы проживания в Москве не только дружил с Аксаковыми, но и был многим им обязан. При этом надо иметь в виду, что с самых первых своих статей, написанных в Москве, Белинский вошел в литературу как убежденный западник, апологет петровских преобразований, откровенно сочувствующий протестантизму¹.)

В период проживания в Северной столице в 1840 году Аксаков в числе писем, регулярно присылаемых ему из Москвы, в конце ноября — начале декабря получил послание от жены, Ольги Семеновны, в котором та пересказывала содержание письма Гоголя из Рима к М. П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 года. В начале декабря 1840 года Аксаков передал Белинскому сведения о Гоголе, сообщенные О. С. Аксаковой. В эти дни и случилось главное для тогдашней петербургской поездки Аксакова событие, касающееся Гоголя.

В письме к Погодину, которое пересказывала Ольга Семеновна в своем послании, Гоголь, в частности, замечал:

Ни Рим, ни небо, ни то, что так бы причаровало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу, не чувствую. Мне бы дорога теперь, да дорога, в дождь, слякоть, через леса, через степи, на край света. <...>

Часто в теперешнем моем положении мне приходит вопрос: зачем я ездил в Россию по крайней мере меньше лежало бы на моей совести. <...> Нет, мой приезд не бесполезен был. <...> Безумный, я думал, ехавши в Россию: Ну хорошо, что я еду в Россию, у меня уже начинает простывать маленькая злость, так необходимая автору, против того-сего, всякого рода разных плевел, теперь я обновлю, и все это живее предстанет моим глазам, и вместо этого что я вывез? Все дурное изгладилось из

моей памяти, даже прежнее, и вместо этого одно только прекрасное и чистое со мною, все, что удалось мне еще более узнать в друзьях моих, и я в моем болезненном состоянии поминутно делаю упрек себе: и зачем я ездил в Россию. Теперь не могу глядеть я ни на Колизей, ни на бессмертный купол, ни на воздух, ни на все, глядеть всеми глазами, совершенно на них, глаза мои видят другое, мысль моя развлечена. Она с вами [36, 325].

Непосредственно по поводу этих строк, пересказанных Аксаковым, Белинский 11 декабря 1840 года писал В. П. Боткину в Москву:

Аксаков сказывал, что Гоголь пишет к нему <...>. Важно вот что: его начинает занимать Россия, ее участь, он грустит о ней; ибо в последний раз он увидел, что в ней есть люди! А я — торжествую: субстанция общества взяла свое — космополит поэт кончился и уступает свое место русскому поэту [15, 582].

Безапелляционность критика в этом суждении о Гоголе поражает. «Белинского нахальство» (выражение А. Ф. Воейкова²) выказалось здесь в полной мере. Само по себе это заявление критика, по своей очевидной нелепости, может быть, и не заслуживало бы серьезного внимания. Однако, как показывает исследование, данный отзыв о Гоголе спустя несколько лет получил отражение в мемуаристике, а затем в исследовательских работах и таким образом приобрел в литературе о писателе гораздо большее значение, чем то, на которое он мог бы рассчитывать сам по себе. Именно это обусловливает необходимость более детального его изучения.

Самонадеянности Белинского в этом суждении о Гоголе вполне соответствует еще целый ряд высказываний критика о гоголевском творчестве: вызывающий разбор «Тараса Бульбы» в 1840 году, нетерпимый отзыв о повести «Рим» в 1842-м, зальцбруннское письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» 1847 года и мн. др. Так что отзыву 1840 года о «космополитизме» Гоголя можно было бы и не удивляться.

Но вот что еще более поразительно: вскоре это нелепое суждение критика — явно под его влиянием — примет славянофил С. Т. Аксаков, и примет настолько основательно, что спустя много лет *трижды* повторит это мнение Белинского в своих мемуарах о Гоголе.

Забегая вперед, отметим, что и в этом случае неожиданным такой пассаж покажется только на первый взгляд. Заимствование С. Т. Аксаковым мнения Белинского может представиться «удивительным» лишь в том случае, если не знать или игнорировать общий контекст взаимоотношений Гоголя с Аксаковыми. Наиболее ярко «заимствование» мнений Белинского С. Т. Аксаковым, почти буквальное сходство их взглядов, проявилось в неприятии семьей Аксаковых «Выбранных мест из переписки с друзьями». Прочитав в 1847 году напечатанную в «Современнике» статью Белинского о гоголевской книге [10], С. Т. Аксаков писал сыну Ивану:

Белинский не так написал о книге Гоголя, как я ожидал. Впрочем, хорошенько подумав, я почти соглашаюсь, что так и следовало ему написать: он не был в дружеских сношениях с Гоголем. Не мог сказать голой правды о многих статьях и притом болен. <...> Гоголь <...>, точно, помешался [21, 597].

В понимании гоголевских художественных произведений Аксаковы тоже не далеко ушли от Белинского. В этом отношении не составляет исключения даже получившая широкую известность статья Константина Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842). В споре с Белинским будучи гораздо ближе к замыслу Гоголя, славянофил Аксаков полноты гоголевской мысли все-таки не постигает (см.: [24]).

С самых первых шагов в литературе Гоголь проявляет себя как глубокий, связанный с православной отечественной традицией мыслитель, центральное место в раздумьях которого занимают судьбы русского народа и русской государственности. К сожалению, христианское, религиозно-патриотическое содержание, характерное для произведений Гоголя начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), осталось для его современников — как для западников, так и для славянофилов — закрытым³. Среди славянофилов это недопонимание Аксаковым, пожалуй, было присуще в наибольшей степени. Как уже было сказано, выход в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» в 1847 году Аксаковы встретили столь же негативно, как и Белинский. Даже Иван Сергеевич, наиболее благожелательно настроенный к Гоголю из всех Аксаковых,

связывал начало религиозного направления писателя лишь с выходом «Выбранных мест из переписки с друзьями» и работой над вторым томом «Мертвых душ», т. е. с тем временем, когда все главные художественные произведения Гоголя были давно написаны. И. С. Аксаков замечал: «2-й том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства» [3, 348] (см. также: [21, 919]). (Аксаков подразумевал задачу соединения «христианства и искусства»⁴, или «примирения» «искусства с религией» [3, 344] (см. также: [21, 918])⁵.) Того, что уже в «Вечерах...», не говоря о «Миргороде» и всех последующих произведениях, Гоголь был занят решением этой кардинальной для его творчества задачи, ни Аксаковы и никто другой из современников писателя попросту не заметили.

Неудивительно, что недоразумения Аксаковых относительно сути гоголевского творчества приобретали порой парадоксальный характер. Это вполне относится и ко мнению, заимствованному С. Т. Аксаковым в 1840 году у Белинского, будто бы Гоголь лишь к этому периоду обретает любовь к России (переставая быть «поэтом космополитом» и становясь «русским поэтом»).

Здесь необходимо указать на одну из известных слабостей Сергея Тимофеевича, способствовавшую «усвоению» им этого невыгодного для Гоголя мнения, — чрезвычайную отцовскую любовь к сыну Константину, бывшему приятелем Белинского по общению в Москве. Без понимания этой черты С. Т. Аксакова разобраться в настоящей истории невозможно.

По приезду в Петербург в 1840 году С. Т. Аксаков 14 сентября уже сообщает жене в Москву: «...У меня вчера был Белинский. <...> Кланяется Косте...» [18, 141]. Спустя полмесяца, 3 октября 1840 года, Аксаков писал жене и сыну Константину: «...Вчера целый вечер сидели у меня И. Панаев и Белинский: я с удовольствием поговорил с ними. Часто разговор обращался на тебя, мой дражайший Константин» [18, 144].

К ноябрю 1840 года С. Т. Аксаков, после нескольких встреч с Белинским, уже едва не начинает разделять литературные мнения критика. 18 ноября 1840 года он сообщает жене: «В субботу просидели вечер у меня И. И. Панаев и Белинский и рассказывали мне разные события и обстоятельства. Это

просто... — да нет — не нахожу слов, чтоб определить состояние нашей литературы... Но всего хуже, что я ни малейшей надежды к улучшению не вижу...» [18, 145]. В еще одном письме к жене, от 30 ноября 1840 года, Аксаков замечал: «...Обнимаю лишний раз Михаила Семеновича <М. С. Щепкина> за то, что он не стал петь куплеты на Белинского» [18, 146]. (Имеются в виду памфлетные стихи П. А. Каратыгина в его водевиле «Авось, или Сцены в книжной лавке». Премьера водевиля состоялась в Петербурге 7 ноября 1840 года. В Москве водевиль шел в ноябре того же года. Отказ Щепкина исполнять куплеты был продиктован его дружеским расположением к критику.)

По-видимому, именно Белинский внушил в те месяцы Сергею Тимофеевичу мысль — или просто поддержал Аксакова в этом лестном для него мнении, что будто бы именно его сын Константин сыграл исключительную роль в якобы пробудившемся лишь тогда в Гоголе сильном «чувстве к России».

Свидетельством этому могут служить слова самого С. Т. Аксакова в его мемуарах, а именно: его комментарий в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) к письму Гоголя из Рима к Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 года. В этом письме Гоголь так же, как и в упомянутом письме к Погодину, признавался Сергею Тимофеевичу в «сильном» чувстве «любви к России», а также в том, что «многое», казавшееся ему ранее «неприятным и невыносимым», теперь кажется «опустившимся в свою ничтожность и незначительность» сравнительно с дружбой с Аксаковыми и, в частности, с Константином Аксаковым [36, 330].

С. Т. Аксаков, комментируя эти строки, пояснял:

В словах Гоголя, что он слышит в себе *сильное чувство к России*, заключается, очевидно, указание, подтверждаемое последующими словами, что этого чувства у него прежде не было или было слишком мало. Без сомнения, пребывание в Москве, в ее русской атмосфере, дружба с нами и особенно влияние Константина, который постоянно объяснял Гоголю, со всею пылкостью своих глубоких, святых убеждений, все значение, весь смысл Русского народа, были единственные тому причины. Я сам замечал много раз, какое впечатление производил он на Гоголя, хотя последний старательно скрывал свое внутреннее движение. Единственно в этом письме, в первый и последний раз, высказался

откровенно Гоголь. И прежде и после этого письма он по большей части подшучивал над русским человеком. Есть еще доказательства этого Русского движения, образовавшегося в Москве именно в 1840-м году: в первом томе «Мертвых Д<уш>» многие места в этом духе очевидно вставлены и даже не совсем гармонируют с прежними речами. Под словами «и то, что я приобрел в теперешний приезд мой в Москву» Гоголь понимает дружбу со мной и моим семейством; а под словами *юноша полный всякой благодати* — Константина [21, 698–699].

Сходный комментарий в своих мемуарах С. Т. Аксаков дал еще одному гоголевскому письму, в котором писатель делился с ним радостью по поводу близящегося завершения первого тома «Мертвых душ». 17 марта (н. ст.) 1841 года Гоголь писал:

Создание чудное творится и совершается в душе моей <...> то, которое уже у меня готово <...>, если даст Бог, напечатаю в конце текущего года <...>.

Теперь я ваш; Москва моя родина. В начале осени я прижму вас к моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено высшею волею: и мой приезд в Москву, и мое нынешнее путешествие в Рим... [36, 337].

Комментируя это письмо, Аксаков повторял: «Письмо это утверждает обращение Гоголя к России...» [21, 700].

Наконец, поясняя в мемуарах еще одно, гораздо более позднее письмо Гоголя, от 8 июня 1848 года, — где писатель сообщал С. Т. Аксакову, что занят проблемами, решаемыми славянофилами, не менее самого Константина Аксакова [40, 88], — Сергей Тимофеевич вновь заявлял:

Я потому только привел выписки из этого письма, что в нем обнаруживается *последнее* направление Гоголя, т. е. жажда понять русской народ в его прошедшем и настоящем [21, 650].

(Подчеркнем еще раз: стремление «понять русской народ в его прошедшем и настоящем» нельзя назвать новым, «*последним* направлением» Гоголя; оно характерно для всего гоголевского творчества начиная с 1820-х гг.⁶⁾

Невзирая на отеческие чувства Аксакова, на его гордость за «успехи» сына в «обращении» Гоголя, все эти позднейшие

мемуарные «свидетельства» Сергея Тимофеевича следует решительно развеять на основании фактов. (Кстати, опровергнуть «простительное» заблуждение Аксакова в 1840 году насчет сына Константина следовало бы — хотя бы из благодарности к аксаковской семье — еще Белинскому, а не спекулировать на этих чувствах Аксакова-отца, как это, судя по всему, сделал тогда критик. В целом эта история характеризует Белинского как изоциренного полемиста, искушенного в человеческих слабостях.)

То влияние, которое оказал на Гоголя К. С. Аксаков в отношении «сильного чувства к России», Аксаков-старший в мемуарах весьма и весьма преувеличивает. Из содержания тогдашних писем Гоголя к Аксаковым следует вывод не только не сходный, но и прямо противоположный: в 1839–1840 гг. не К. С. Аксаков Гоголя, но Гоголь К. С. Аксакова убеждал в приоритете русских ценностей. Так, в том же письме к Аксакову-отцу от 28 декабря (н. ст.) 1840 года (которое Аксаков комментировал как свидетельство только что зарождающейся у Гоголя любви к России) Гоголь прямо намекал на неизжитое пристрастие Константина Аксакова к немецкой схоластике. Гоголь писал:

Панов молодец во всех отношениях, и Италия ему много принесла пользы, какой бы он никогда не приобрел в Германии, в чем он совершенно убедился. Это не мешает довести, между прочим, до сведения кое-кого [36, 331].

Гоголю, безусловно, было хорошо известно, с какими впечатлениями вернулся Константин Аксаков в конце октября 1838 года в Россию после нескольких месяцев пребывания в Германии и Швейцарии. В июле 1838 года последний писал родным из Дрездена:

Дрезден, Дрезден! <...> Здесь только явилась мне дорогая моя Германия <...>. Я русский, <...> но <...> только в Германии (т. е. в просвещении ее) могу находить <...> полную отраду... [5, 82–85].

В августе того же года, в письме из Базеля, Константин Аксаков добавлял:

...Германия не только не проиграла, но выиграла в моем путешествии: узнав ближе немцев, я больше полюбил их [6, 83].

(О том, какова могла быть — или даже была, но осталась без подробных свидетельств, — полемика Гоголя с Константином Аксаковым по поводу увлечения последнего Германией, можно, в частности, судить по многолетнему, с 1838 до 1842 года, спору Гоголя по этому же вопросу со своей бывшей ученицей М. П. Балабиной; см.: [29, 575–576].)

Лишь спустя несколько лет в послании, адресованном 25 марта (н. ст.) 1841 года самому К. С. Аксакову, Гоголь выражает, наконец, удовлетворение, что тот, преодолев увлечение «немецкой философией», вступает на «прямо русскую дорогу» [36, 343].

Добавим, что страстное увлечение Константина Аксакова немецкой философией было вполне очевидно для окружающих — и в те же годы было отмечено не одним Гоголем. К примеру, С. П. Шевырев 4 октября 1845 года писал Гоголю о задуманной К. С. Аксаковым еще в 1839 году диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка»:

Хороший и большой труд <...>. Но Гегель подпустил дыму, иногда и в мысль, а всего более в слог. <...> Его дело было бы изучать народный быт, язык, песни, предания, пословицы. Но Гегель до сих пор всему мешает. Немцы напустили такого туману в эту славную русскую голову, что она до сих пор от того болит [38, 198–199].

На это письмо сам Гоголь отвечал:

Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, советовал ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатать из нее одни только отрывки, как отдельные статьи [38, 212].

(Гоголь имел в виду свое письмо к Аксаковым от 21 декабря (н. ст.) 1844 г.; см.: [37, 544].)

Еще более решительно расходится с мнимым свидетельством Аксакова-отца о благотворном влиянии его сына Константина на Гоголя содержание гоголевского письма к Аксаковым от 28 ноября (н. ст.) 1842 года. В этом письме Гоголь, имея в виду время следующего (после 1839–1840 гг.) своего

пребывания в Москве (в октябре 1841 — мае 1842 гг.), обращался к Константину Аксакову:

...вы, любя меня, не любите однако ж слушать слов моих, если они касаются лично вас. <...> ...я вам посылаю <...> упрек! Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. <...> Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего всуе? <...> ...страхните пустоту и праздность вашей жизни! <...> Займитесь теперь совершенно стороною внутреннею русского языка <...>, мимо отношений его к судьбе России и Москвы, как бы это ни заманчиво было и как бы ни хотелось разгуляться на этом поле [37, 157–158].

В статье «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь добавлял:

Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними; иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели Бога, дерзавшие произносить имя Его неосвященными устами [35, 21].

Ю. Ф. Самарин в 1844 году, имея в виду процитированное гоголевское письмо к К. С. Аксакову, писал последнему и А. С. Хомякову:

Мысль о современном значении Москвы, пущенная в ход Аксаковым⁷, встретила между нами и даже в более широком кругу сочувствие и одобрение; она сделалась предметом наших разговоров, сделалась, по своей общедоступности, господствующим интересом. В это время уезжал Гоголь. Ты помнишь, Аксаков, то письмо, которое он написал к тебе? Он упрекал тебя в том, что ты испортил ему то прекрасное, отрадное чувство, которое он питал к Москве; он просил тебя перестать толковать о значении Москвы, взяться за труд и т. д. Гоголь предчувствовал то, что теперь сбылось. Толки о Москве продолжались три года; вражда к Петербургу усилилась; на каждого выходца оттуда мы

ополчались толпою и вымещали на нем наше негодование. Между тем, в продолжение этого времени Москва не явила ни одного плода своей умственной деятельности; таким образом она стала известна Петербургу и вообще всей России только с одной, чисто отрицательной стороны. Если бы мы меньше говорили о себе и больше заявляли прав на уважение, может быть, всеобщее внимание само собою обратилось бы на Москву... [49, 149–150].

Напряженные отношения между Гоголем и Константином Аксаковым сохранялись, вследствие принципиальных расхождений, вплоть до конца 1840-х гг. Доходило до того, что в 1849 году Гоголь, вернувшийся в 1848 году из-за границы, не был даже приглашен на именины К. С. Аксакова (21 мая), а двумя неделями ранее сам Константин Аксаков не явился на именины Гоголя (9 мая). В этот период Ольга Семеновна неоднократно жаловалась сыну Ивану, что Гоголь постоянно «говорит Консте (т. е. старшему сыну Константину. — И. В.) очень резкие вещи» — даже «оскорбляет» его [41, 715–716] (см. письма О. С. Аксаковой к сыну от 28 ноября 1848 года и от апреля 1849 года). 28 ноября 1848 года сам Константин Аксаков тоже сообщал брату:

...Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон [41, 715].

Как можно предположить, тогдашнее суровое отношение Гоголя к К. С. Аксакову носило, судя по всему, отнюдь не бытовой, но вполне «идейный» характер, будучи связано с их спором о значении для России единодержавия.

В «монархическом», чрезвычайно важном для Гоголя вопросе Аксаковы выступали единым фронтом против писателя. Так, «похвалами дому Романовых» в гоголевской статье «О лиризме наших поэтов (Письмо к В. А. Ж<уковско>му)» «Выбранных мест из переписки с друзьями» «смущался» брат Константина Аксакова Иван [3, 347–348] (см. также: [21, 919]). Вполне поддерживал сыновей Аксаков-отец, с которым они делились своими мнениями. Главное неприятие Аксаковых в статье Гоголя «О лиризме наших поэтов» вызывали строки о «верховном Промысле, который <...> явно слышен в судьбе

нашего отечества», — слова, сказанные в непосредственной связи с убеждением, что «все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного» [35; 40, 46].

В апреле 1848 года Константин Аксаков в статье «Голос из Москвы», возражая на эти строки, заявлял:

...Россия никогда не обоготворяла Правительства, никогда не верила в его совершенство и совершенства от него не требовала, никогда не ставила его целью своих стремлений, смотрела на него как на дело второстепенное, считая первостепенным делом *Веру* и спасение души, — и поэтому революция чужда совершенно России, и существующий законный порядок в ней крепок. <...> Но Россия подверглась влиянию Запада, и обожание Правительства, этот грех, ведущий за собою казнь свою, революцию, вошел отчасти и к нам. <...> ...Правительство, заимствуя у него <у Запада> материальные усовершенствования, в то же время внесло в Русскую жизнь Западные понятия о власти <...>. Часть России, увлекшаяся Западом, ту же минуту поклонилась пред Правительством, как пред кумиром <...>. Я разумею здесь [вовсе не либералов только или людей, разделяющих все последние мнения Запада, но] всех, которые следуют какому бы то ни было Западному направлению, хотя самому консервативному; также я разумею здесь всех, которые, хотя и не толкуют о Западе, но оторваны от народа, теряют Русские основы быта и потому поневоле связаны с Западом и могут пойти его путем... [8, 297–300]⁸.

В письме к самому Гоголю от мая 1848 года К. С. Аксаков замечал:

Во всем, что вы писали в письмах, и в книге вашей особенно, вижу я прежде всего один главный недостаток: это *ложь*. <...> ...вы дошли до невероятных положений <...>. Таково письмо ваше к Жуковскому («О лиризме наших поэтов». — *И. В.*), письмо, так сильно противоречащее, по-моему, Вере Православной. <...>. Книгу вашу считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе [40, 81–83].

Примечателен вывод, сделанный из споров с Аксаковыми о Гоголе А. О. Смирновой — которая сама себя относил к «примирительным» славянофилам [21, 555] («...через Малороссию пройдем мы в Константинополь, чтобы сдружиться

и слиться с западными собратьями славянами», — замечала она, в частности, в письме к Гоголю в 1844 году [37, 503]). В 1847 году, сообщая Гоголю о неприятии Аксаковыми его книги «Выбранные места из переписки с друзьями», Смирнова писала (к сожалению, тоже не без раздражения):

Ненависть к власти, к общественным привилегиям, к высокому рождению и богатству — таковая-то отвлеченная страсть к идеальному русскому, таящемуся в бороде, — вот начало этих господ [39, 165].

Возвращаясь к суждениям Белинского и Аксакова о якобы присущем Гоголю до 1839 года «недостатке» любви к России, можно, следовательно, так в итоге восстановить ход событий, случившихся после того, как Белинский, будучи опытным литературным политиком, выслушал от Аксакова пересказ гоголевского письма к Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 года. Познакомившись с пересказом, Белинский тут же «предложил» Сергею Тимофеевичу свою интерпретацию письма Гоголя — по-видимому, он высказал тогда Аксакову суждение о якобы только что зачинающейся любви Гоголя к России. А чтобы это сомнительное заявление было принято другом Гоголя, Белинский, вполне зная о слабости Аксакова-отца, добавил к этому «догадку»: мол, по всей вероятности, это его сын Константин, своей любовью к Москве и России, способствовал обращению Гоголя «на путь истинный». Подобное лестное, чрезвычайно благоприятное по отношению к Константину Аксакову суждение критика, конечно, не могло не обрадовать страстно обожавшего своего сына Сергея Тимофеевича. Лестным для Аксакова было уже одно сравнение его сына с Гоголем — а то, что в этом сравнении Гоголь оказывался ниже сына — да еще и в таком важнейшем вопросе, как любовь к России, — это, по всей вероятности, и вовсе вскружило голову «старика»-Аксакову. Ухватившись за это мнение, возвышавшее Константина Аксакова до «небес» — до уровня, и выше, Гоголя, — С. Т. Аксаков не устоял перед соблазном несколько раз повторить эти нелепые — хотя и искусно подтасованные — суждения Белинского в своих позднейших мемуарах. Подлинная история, увы, вполне противоречит домыслам мемуариста. По свидетельству

самого Гоголя, ревность не по разуму в высказываниях о России и Москве Константина Аксакова, вкупе с его увлечением немецкой схоластикой, способны были скорее «охладить» патриотические чувства слушателей, чем упрочить их.

Кажется, нет необходимости доказывать, что фраза Белинского о Гоголе: «...субстанция общества взяла свое — космополит поэт кончился и уступает свое место русскому поэту» — является в значительной степени провокационной и объясняется особым пониманием патриотизма самим критиком. Заявляя в 1840 году, что Гоголь, под давлением «субстанции общества», якобы из прежнего поэта-«космополита» лишь теперь становится «русским поэтом», Белинский в содержание упомянутой «субстанции» вкладывал свои представления о «русском». Критик подразумевал под этим прежде всего оппозиционность сложившимся формам русской государственности. На поверку от такого «патриотизма» не оставалось и следа — даже и без какого бы то ни было с внешней стороны воздействия. В том же 1840 году, в феврале, Белинский спокойно признавался Боткину:

Вполне понимаю страдания Гоголя и сочувствую им. Понимаю и его Sehnsucht⁹ к Италии. Родная действительность ужасна. Будь у меня средства, я надолго бы раскланялся с нею. Это мой идеал счастья теперь. <...> Страшная и гадкая действительность! [15, 464].

(Очевидно, Белинский полагал, что Гоголь должен быть во всем на него похож — так что вполне разделит с ним и «космополитизм», и «страдающее» отвращение к русской действительности. Во всем этом критик, безусловно, глубоко ошибался.)

Вместо показного «патриотизма» на деле Белинского часто посещали вспышки откровенного богоборчества и не менее ожесточенной русофобии, оправдываемой разными мнимо-«благородными» причинами.

Одна из подобных вспышек случилась, кстати сказать, совсем незадолго перед тем, как Белинский обнаружил у Гоголя «космополитизм» — и когда сам спокойно признался в том же «грехе» — полагая, однако, в этом «идеал счастья».

Так, в 1839 году Белинский, вероятно, уже тогда обуравемый желанием «раскланяться» с «родной действительностью»,

отправил Константину Аксакову письмо откровенно русофобского содержания, которым последний был глубоко оскорблен, так что отвечать на письмо не стал, а лишь известил о его получении приятеля Белинского И. И. Панаева. 10 января 1840 года сам Белинский обращался к К. С. Аксакову:

...Панаев сию минуту прочел мне твое письмо к нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое к тебе письмо, грязное и не эстетическое, которое так глубоко оскорбило твое чувство [15, 433].

На извинение Аксаков отвечал:

...Виссарион, <...> ты нападаешь на Русских, на народность их, и между тем, в письме твоём, ты являешься Русским по преимуществу (по твоему определению Русского человека) в отношении к воню. Оно конечно, запах силен, но все мне гадко оставаться в нужнике: таково письмо твое (цит. по: [46, 205]).

Позднее отец Константина Аксакова замечал по поводу этого несохранившегося письма Белинского, что в нем критик обнаружил «гнусную враждебность к Москве, к русскому человеку и ко всему нашему русскому направлению» [21, 704]. В свою очередь Иван Аксаков, публикуя несколько писем Белинского к брату К. С. Аксакову 1840 года, сообщал:

Сколько помнится из рассказов К<онстантина> С<ергееви>ча (пишущий эти строки с 1838 по 1842 г. не жил в Москве, а воспитывался в Петербурге), было еще письмо Белинского, преисполненное самых грубых, неистовых, цинических ругательств на Россию и русского человека и самоуверенной похвалы, что в этом его новом отношении к русской народности заключался «новый момент развития», высшая точка зрения, истинное понимание действительности. С свойственным ему остервенением искренности, Белинский мял и топтал беспощадно то, чему еще недавно сам поклонялся, глумился над Москвою и над новым направлением, которое уже возникало и созревало в К<онстантине> С<ергееви>че. Это было каплею, переполнившею сосуд. К<онстантин> С<ергеевич> отвечал резким, коротким письмом, и разрыв совершился [2, 15].

(Вполне при этом очевидно, что «грязное и не эстетическое», «преисполненное» нападок «на Россию и русского человека» письмо Белинского 1839 года, которое так задело Аксаковых,

явилось определенным предвестием позднейшего оскорбительного письма Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» 1847 года.)

О том, как сам Белинский понимал «патриотизм», можно, в частности, судить из его статьи 1842 года, написанной по поводу уже упомянутой брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души». В своей статье Белинский утверждал, что пафос гоголевской поэмы «состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциальным началом, доселе еще таинственным, доселе еще не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения» [13, 430–431]. Красивыми фразами обольщаться не стоит. Под носителями «глубокого субстанциального начала» критик подразумевал прежде всего тех, чьи взгляды были близки его собственным, т. е. лиц противоположительственных и полупротестантско-полуатеистических воззрений, — в духе не-«примирения с действительностью».

22 ноября 1839 года Белинский писал В. П. Боткину:

Скажи Грановскому, что чем больше живу и думаю, тем больше, *кровнее* люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциальной стороны, но ее определение, ее действительность настоящая начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески... [15, 420].

Подобные воззрения Белинский сохранил до конца жизни. Так, за полгода до смерти, 7 декабря 1847 года, он писал К. Д. Кавелину:

...честных, благородных и вместе с тем умных людей <...> на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (то есть истинно хороших людей, а не мелодраматических героев) <...>. Но вот горе-то: литература <...> не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, что их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут [16, 460].

Это «оппозиционное», присущее самому Белинскому мироощущение критик распространял едва ли не на весь русский народ, называя его, в зальцбруннском письме к Гоголю 1847 года, «атеистическим» (в чем, по мнению Белинского, и заключалась «огромность исторических судеб» русского народа «в будущем») [36, 370]. Позднее Ф. М. Достоевский в письме к Н. Н. Стрехову от 30 мая (н. ст.) 1871 года замечал о Белинском:

Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>прим<ер>, о «Мертв<ых> душах»). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил* [42, 215].

Именно «общественную среду» русской жизни, препятствующей «развитию» народа по западноевропейским меркам, Белинский объяснял, вопреки воззрениям самого Гоголя, пороки выведенных в «Мертвых душах» героев¹⁰.

Проблема истинного и ложного патриотизма, конечно, не могла не занимать и Гоголя. Именно страстно-«личное», в духе Белинского, понимание «патриотизма» он, судя по всему, подразумевал еще в 1834 году, когда упомянул в «Записках сумасшедшего» об открытии героя, «испанца» Поприщина, «что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями» [33, 176]. Эгоцентристский, «грубый» (по определению Гоголя) патриотизм Белинского через гоголевский образ вполне подходит под столь же «грубое» определение «шкурного патриотизма» (того, что «находится под перьями»). По этой причине «патриотизм» откровенно ненавидящего «родную действительность» западника Белинского оказывается, согласно воззрениям Гоголя, сродни столь же страстному «квасному патриотизму» или же сходному местечковому, узкому патриотизму удельных князей древней русской истории, так нелюбимых Гоголем за междоусобные распри, расторгавшие русское и славянское единство (см. подробнее: [26, 206–210]; [28, 153–165]).

Все эти «патриотизмы», по Гоголю, на деле не имеют ничего общего с подлинным патриотизмом. Они одинаково не предполагают даже мысли о источнике всякого земного отечества — Небесном Отце, а потому и ставятся писателем в один

негативный ряд. Имея в виду обоих представителей «грубого» патриотизма — и «накопляющих капиталы» «так называемых патриотов» «квасного» типа [34, 235], и раздраженных исторически сложившимся обликом России псевдо-патриотов западников (вроде Белинского) — Гоголь в заключительных строках статьи о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» — самой патриотической книги нашей словесности — писал о том, что «наша русская Россия» — «не та, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не та, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские...» [35, 196].

Собственное понимание патриотизма Гоголь-патриот высказал в составленном им в 1844 году «Правиле жития в мире»:

Все да управляется у нас *любовью к Богу*. <...> Блажен, кто начал свои подвиги прямо с любви к Богу. Он быстрее всех других полетит по пути своему <...>. Весь мир тогда предстанет пред ним в ином и в истинном виде: к миру он привяжется потому только, что Бог поместил его среди мира и повелел привязаться к нему <...> ...на всякую земную любовь нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной любви Божией. Это только одни искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная любовь Божия... [35, 303–304].

* * *

Проанализированные выше аксаковские комментарии к трем письмам Гоголя 1840-х гг. — с утверждением мнимого влияния К. С. Аксакова на Гоголя в преодолении никогда не существовавшего «недостатка» любви к России — позднее стали главным и *единственным* основанием расхожего ошибочного мнения (поддержанного рядом исследователей), будто бы своим «славянофильством» — зародившимся якобы лишь в конце 1830-х гг. — Гоголь был обязан Аксаковым. Поскольку предвзятые «свидетельства» С. Т. Аксакова на деле оказываются несостоятельными, то одной из актуальных задач в изучении гоголевского наследия по-прежнему остается давняя нерешенная проблема — определение места Гоголя в противостоянии славянофилов и западников. Вопрос этот тем более насущен, что писатель жил в эпоху становления

и активного развития обеих идеологий. Отсутствие внятного представления о том, как оценивать наследие Гоголя в этом широком контексте, долгое время создавало даже иллюзию «изолированности» писателя, «изъятости» его из полемики славянофилов и западников. Главным препятствием в решении этой проблемы были известные особенности личности Гоголя, в частности, его неизменная «скрытность», а также стремление избегать ссор (вполне понятное для создателя «Повести о том, как поссорился...»).

Конкретный биографический материал представляет чрезвычайно мало данных о каком-либо участии Гоголя в устных культурно-исторических дискуссиях его времени. Известно только, что сам он сознательно избегал открытой полемики, полагая, что поэту надлежит более углублять истину, чем препираться о ней [38, 85]. В начале мая 1840 года Е. М. Хомякова, в частности, писала брату Н. Я. Языкову из Москвы:

Все здесь нападают на Гоголя, говоря, что, слушая его разговор, нельзя предполагать в нем чего-нибудь необыкновенного, Иван Васильевич Киреевский <говорит>, что с ним почти говорить нельзя: до того он пуст. Я сержусь за это ужасно. У них кто не кричит, тот и глуп [50, 106].

Сам Языков 15 января 1841 года сообщал брату Александру о Гоголе:

...он живет у Погодина пустынно, однако ж бывает у Хомяков<овых>. Само собою разумеется, что он ничуть не участвует в спорах диалектических, которые снова начались у Сверб<еевых>. Гоголь характера тихого — и враг всякой суеты и шума [22, 148].

Неудивительно, что и М. П. Погодин довольно опрометчиво в 1847 году писал Гоголю:

...о западном направлении — ты не имеешь вовсе никакого понятия, куда оно начало было хватать и хватает [39, 252].

П. И. Бартенев в своих записках описал однажды один из вечеров, состоявшийся в 1849 году у Хомяковых. Присутствовали Константин Аксаков, П. Я. Чаадаев, Ф. В. Чижов, Н. Ф. Павлов и др. Разговор шел самый «славянофильский». Говорили

о Галиции, об участии России в судьбе карпатороссов. В это время вошел Гоголь, создатель «Тараса Бульбы», «сел в угол дивана <...> молчал <...> часто позевывал, теребил пальцами по подушке; наконец спросил себе воды, выпил и, ни с кем не простившись, <...> тихонько вышел» [22, 696–697].

Подобным образом Гоголь вел себя в обществе довольно часто. Свою точку зрения он предпочитал излагать не в открытых полемических прениях, но в самих художественных созданиях. Однако эта известная скрытность Гоголя долгое время создавала трудности при попытке определить его место в полемике «восточников» и западников.

Примечательна в этой связи эволюция представлений по данному вопросу известного деятеля русской эмиграции, профессора протопресвитера Василия Зеньковского, почти полвека посвятившего изучению гоголевского наследия. Поначалу, в одной из своих ранних работ (1916), Зеньковский вообще отрицал наличие «славянофильской» проблематики у Гоголя¹¹. Зато впоследствии (1926, 1961) протоиерей Василий Зеньковский даже называл Гоголя «зачинателем» славянофильского течения русской мысли¹². Исследователь отмечал, что своеобразие гоголевского «славянофильства» заключалось в том, что если у большинства славянофилов критика новейшей цивилизации была во многом философской концепцией, то такого глубокого, как у Гоголя, «непосредственного ощущения религиозной неправды современности» не было ни у кого:

...один разве И. В. Киреевский приближается к Гоголю в непосредственности его восприятия современности [44, 62–63].

Порой высказывалось мнение, что Гоголь будто бы находился «между» двумя современными ему течениями, пытаясь совместить и примирить «достоинства» обоих направлений. О примирении всех русских людей во Христе Гоголь, действительно, размышлял начиная с самых ранних своих произведений. Об этом, в частности, свидетельствуют сами его художественные произведения — «Страшная месть», «Тарас Бульба», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и др. (см.: [30]). Однако такое всегдашнее христианское стремление Гоголя не имеет ничего

общего со старанием «приблизить» писателя, под этим предлогом, к западнической идеологии.

Судя по рассмотренной выше истории обвинения Гоголя Белинским в 1840 году в «космополитизме», писатель стоял не «между», но «выше» и западников, и славянофилов, т. е. по целому ряду вопросов превосходил и «европеистов», и «восточников», которые тоже не вполне «дотягивали» до масштабности и объективности гоголевского видения, связанного с особым, образным мышлением, присущим Гоголю как художнику. «Быть поэтом», — замечал, в частности, Гоголь в 1845 году в письме к Н. М. Языкову, — значит, в отличие от полемиста, бросать «целые беспредельные пространства мыслей» [38, 86].

Уместно в этой связи напомнить проницательные слова Достоевского о А. С. Пушкине:

Так свистун Пушкин вдруг, раньше всех Киреевских и Хомяковых, создает летописца в Чудовом монастыре, то есть раньше всех славянофилов высказывает всю их сущность и, мало того, — высказывает это несравненно глубже, чем все они до сих пор (Ф. М. Достоевский — Н. Н. Страхову. 23 апреля (5 мая) 1871. Дрезден) [42, 207].

Эти слова, на наш взгляд, вполне применимы и к создателю «Тараса Бульбы».

Безусловно, что взгляды своих друзей — московских славянофилов — Гоголь знал достаточно хорошо; эти воззрения были ему созвучны, а сами славянофилы — духовно близки.

В статье «Споры» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь, призывая к прекращению бесконечных споров «староверов и нововеров», тем не менее со всей определенностью утверждал, что правды, «разумеется», «больше» на стороне славянофилов, чем западников [35, 51–52]. Как уже отмечалось, в письме к С. Т. Аксакову 1848 года Гоголь, работая над вторым томом «Мертвых душ», также сообщал, что славянофильский круг идей волнует его не менее самого Константина Аксакова.

Столь же примечательно безусловное одобрение Гоголем в 1845 году антизападнического стихотворения Н. М. Языкова «К ненашим» (стихотворение адресовано Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и, предположительно, П. Я. Чаадаеву). В начале февраля 1845 года Гоголь писал поэту:

Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи «К не нашим». Душа твоя была орган, а бряцали по нем другие персты. Они <...> сильней всего, что у нас было писано доселе на Руси [38, 29].

В 1846 году Гоголь включил это стихотворение в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» с названием «К нерусским» [35, 337]. (По наблюдению В. А. Кошелева, слово «ненаш» для читателя XIX века предполагало дополнительный смысл, зафиксированный в волжских говорах и присутствующий в словаре Даля: «Ненаш — нечистый, недруг, лукавый, бес»: «И в ходу была поговорка: “А *ненаш* его знает...” Следовательно, уже по названию это стихотворение прямо соотносилось с другим названием — “Бесы”» [48, 332].)

Показательно, что все друзья Гоголя были исключительно из славянофильского лагеря. Западник П. В. Анненков, который некоторое время жил с Гоголем в Риме, другом ему так и не стал. Гоголь относил Анненкова к «господам, до излишества живущим в Европе» [40, 443].

Как уже отмечалось, между Гоголем и его друзьями-славянофилами случались подчас и расхождения по отдельным вопросам. Характерно при этом, что в таких разногласиях Гоголь часто оказывался «большим» славянофилом, чем его оппоненты из того же лагеря. К примеру, значение перевода В. А. Жуковского «Одиссеи» Гомера для упрочения народного быта Гоголь оценивал настолько высоко, что считал его определенно важнее отвлеченных рассуждений друзей о славянских началах. Аксаковы, как известно, весьма критично отнеслись к переводу Жуковского¹². Так, Константин Аксаков сообщал брату:

Получена «Одиссея» Жуковского. Это не Гомер. Мудрованья премного, особенно в начале.

И тут же:

Из нескольких слов о нашей старине увидел я, что Гоголь ее самонадеянно не понимает [41, 715] (см. также: [21, 798]).

Гоголь, защищая перевод «Одиссеи» от критики Аксаковых, а точнее, отстаивая заключенные в самой поэме Гомера древние

патриархальные начала, сходным образом противопоставляя суждениям друзей содержание русского «Домостроя» — с описанным в этом памятнике сходным народным бытом:

Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в брожениях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображенью, обольщеньям самолюбивого ума и всяким пристрастьям [40, 170–171].

(«Домострой», в свою очередь, подвергся критике Аксаковых. К примеру, И. С. Аксаков в письме к отцу от 15 января 1850 года — после встречи в Москве с Гоголем — приравнивал этот памятник к явлениям «немецкого духа»; прочитав его целиком, он высказался еще резче¹³.)

Будучи по убеждениям славянофилом, Гоголь хорошо разбирался в разнообразных течениях и ответвлениях этого общественного движения, отчасти нами сегодня подзабытых (см.: [27]; [32]). Помимо несомненно большей широты и глубины охвата явлений общественной жизни, особенность гоголевской позиции заключалась в том, что, разделяя в основном все главные положения славянофильства, он считал некоторые из славянофильских начинаний преждевременными (см.: [24]). А «мягкое», «примирительное» отношение к западникам определялось его сокровенным убеждением, что «обратить <...> грешника ко Господу — <...> настоящая милостыня, за которую <...> можно надеяться получения небесного блаженства» [39, 48].

Место Гоголя в славянофильском движении было во многом исключительным. Наибольший контраст гоголевским взглядам представляло славянофильство польских националистов, во главе с А. Мицкевичем. С этой ветвью славянофильства едва не смыкалось в негативном отношении к исторической России отечественное западничество. Но взгляды Гоголя как славянофила во многом отличались и от позиции более близких ему по духу современников. И над сепаратистки ориентированным украинским славянофильством земляка О. М. Бодянского, и над оппозиционной, критически настроенной к «дому Романовых» частью московского славянофильства (Аксаковы), — над всеми этими друзьями и знакомыми из круга славянофилов

Гоголь возвышается как последовательный славянофил-«государственник». Вслед за Н. М. Карамзиным и С. С. Уваровым (см.: [26, 204]; [27, 70]) во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Это исключительное место России среди родственных народов служило и служит ручательством того, что только в союзе с ней, «нераздельно и неслиянно», заключено будущее славянского мира.

Примечания

- ¹ В частности, в 1836 году Белинский, сравнивая «Северную думу» — протестантизм — с католицизмом и Православием, без обиняков называл ее «истинным знанием» (в печать это признание не попало и было опубликовано впервые только в 1969 году) (см.: [17; 322, 676–677]). Осенью 1834 года, когда Гоголь готовил к изданию «Арабески» и «Миргород», Белинский в «Литературных мечтаниях» (первая значительная статья критика, принесшая ему известность) замечал о русском народе: «Крепко стоял он за Церковь Божию, за веру праотцев <...>. Это была жизнь <...>, но односторонняя <...>. Петр был совершенно прав...» [11; 37, 39]; «...русская жизнь до Петра Великого была слишком <...> односторонна...» [11; 93]. В статье «О стихотворениях г. Баратынского» (1835) Белинский добавлял: «...народ, который довольствовался скудной житейскою философиею, лениво наследованною им от праотцев <...> был чужд всякого движения вперед, всякого стремления к совершенствованию...» [14, 321]. Подобное отношение к русской национальной культуре и ее сокровищнице — Православию, где духовное и нравственное совершенствование человека полагается целью всей его жизни, не было неожиданностью для Белинского. Все это он высказывал и ранее, и с еще большей безапелляционностью, вполне предвосхищая обороты и интонации будущего Хлестакова. В 1830 году он писал матери: «Маменька, Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам <...>. Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел <...>. Я пошел по такому отделению, которое требует, чтобы иметь познание и толк во всех изящных искусствах. И потому я прошу Вас уволить меня от нравоучений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны» [15, 35]. В своем западничестве Белинский выступал лишь против «слепой подражательности» и ратовал за создание «нашими руками» и «на родной почве» национального «просвещения», в основе которого главенствовала бы, однако, идея европейского прогресса (см.: [11]).
- ² Дом сумасшедших. Сатира А. Ф. Воейкова. Берлин: F. Schneider, 1858. С. 26. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003573525#?page=5>.

- ³ Подробнее о религиозном характере произведений Гоголя, включая самые ранние, см.: [19]; [25].
- ⁴ Письмо С. Т. Аксакова к М. Г. Карташевской от 25 февраля 1852 г.: [9, 223] (см. также: [21, 616]).
- ⁵ См. дополнительно.: [3; 402, 405–406]; см. также: [21, 923].
- ⁶ См. подробнее: [28].
- ⁷ См., в частности: [7].
- ⁸ Статья «Голос из Москвы» предназначалась для распространения; сохранилось шесть ее автографов. Очевидно, был знаком с ней и Гоголь. К. С. Аксаков в письме к брату Г. С. Аксакову писал: «Как жалею я, что Иван не взял с собою моей статьи “Не сотвори себе кумира (голос из Москвы)”»; эта статья дала бы вам ясное понятие о моих гражданских мыслях» (цит. по: [47, 308]).
- ⁹ тоска (*нем.*).
- ¹⁰ «Но неужели же в русской действительности нет ничего лучше и благороднее Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова <...>? <...> Без всякого сомнения, есть <...> Сверх того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенные Гоголем, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличивают дело и грубо его понимают. Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет» [12, 359–360].
- ¹¹ В 1916 году Зеньковский, в ту пору экстраординарный профессор Киевского университета, писал, что разделение славянофилов и западников «почти совсем не затронуло» Гоголя и что в некотором смысле он остался «далеко позади этого трагического раздвоения нашей интеллигенции» [43; 48, 39].
- ¹² Зеньковский пришел к заключению, что в религиозной критике современности и европейской культуры Гоголь превосходил даже славянофилов (см.: [44, 63]), а потому ему принадлежит «в этой незаконченной работе русского духа почетное место зачинателя всего этого течения» [45, 205]. См. также: [20]; [23].
- ¹³ См.: [38, 457]; [21; 588, 602–603, 607, 651, 798, 849, 913]; [3, 633].
- ¹⁴ В письме к родным от 12 января 1850 года из Ярославля И. С. Аксаков писал: «Серебренников подарил мне одну рукопись: сочинение Астраханского Губернатора Татищева в 1742 году об управлении деревнями и крестьянами. Не верится, чтобы это писал русский человек. Тут говорится, сколько раз крестьянин должен умывать руки, как вести себя в каждый час дня, словом, вся жизнь его подведена под самые строгие правила аккуратности, которые подчас хуже всякой тирании. Удивительно, как скоро перешел к нам этот немецкий дух!» [1, 268]. В письме от 15 января Аксаков добавлял: «Рукопись, про которую я Вам писал в последний раз, должна принадлежать самому историку Татищеву. Впрочем, Домострой Сильвестра едва ли чем лучше» [1, 270]. Из письма Аксакова к родным от 23 февраля 1850 г.: «Я прочитал на

этой неделе весь “Домострой” попа Сильвестра и дивился, как могло родиться такое произведение: так многое в нем противно свойству русского человека! Я терпеть не могу правил в самой жизни и вообще не люблю обычая, как скоро уже он замерз, как скоро он покушается сделаться правилом и властвовать над жизнью. На этом основании я не люблю и монашеских уставов, где формулировано аскетическое стремление. Если б у меня был наставником Сильвестр и докучал мне своими нравоучениями, то я, и не будучи Иоанном Грозным, прогнал бы его от себя за тридевять земель! Впрочем, нельзя не сознаться, что образ жизни и поведения, предписываемый этим попом, совершенно напоминает теперешний купеческий образ жизни и обхождения, особенно там, где цивилизация незаметна... “Все для гостей, все для показу” — главная тема Сильвестра и наших купцов. <...> Попов и монастырскую братью кормить при всяком удобном случае. На домашних молебнах всегда молиться за царское семейство поименно, словом, как теперь. Но что удивительно — это экономия, расчетливость, аккуратность в хозяйстве — более, чем немецкая, и с которой жизнь просто каторга: все записывать, все взвешивать, постоянно остерегаться, чтобы люди не обокрали» [1, 296–297] (см. также: [4, 120]).

Список литературы

1. [Аксаков И. С.] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. — М., 1888. — Ч. 1. — Т. 2. — 410 + 57 с.
2. [Аксаков И. С.] Письма В. Г. Белинского к К. С. Аксакову. Примечание редактора // Русь. — 1881. — № 8. — 3 янв. — С. 14–15 [Электронный ресурс]. — URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050488/viewer/?page=14 (15.03.2017).
3. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. — М.: Наука, 1988. — 704 с.
4. Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. — М.: Наука, 1994. — 653 с.
5. [Аксаков К. С.] Неизданные письма из-за границы К. С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г. М. Князева (продолжение) // Космополис. (Cosmopolis). — СПб., 1898. — Т. 10. — № 4. — Апрель. — С. 74–88.
6. [Аксаков К. С.] Неизданные письма из-за границы К. С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г. М. Князева (продолжение) // Космополис. (Cosmopolis). — СПб., 1898. — Т. 11. — № 7. — Июль. — С. 70–89.
7. [Аксаков К. С.] Семисотлетие Москвы // Московские Ведомости. — 1846. — 23 апр. — № 49. — С. 344–346.
8. Аксаков К. С. Голос из Москвы (1848). Западная Европа и народность. <1849> / подгот. текстов и примеч. В. А. Кошелева // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). — СПб., 1992. — <Вып. 1>. — С. 297–305.

9. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / изд. подгот. сотрудниками музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. — М.: АН СССР, 1960. — 296 с.
10. <В. Б.> [Белинский В. Г.] Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб. 1847 // Современник. — 1847. — Т. 1. — № 2. — Отд. 3. — С. 103–124.
11. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1953. — Т. 1. — С. 20–104.
12. Белинский В. Г. Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 6: Статьи и рецензии 1842–1843. — С. 351–365.
13. Белинский В. Г. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 6: Статьи и рецензии 1842–1843. — С. 410–431.
14. Белинский В. Г. О стихотворениях г. Баратынского // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1953. — Т. 1. — С. 320–327.
15. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1956. — Т. 11: Письма 1829–1840 гг. — 719 с.
16. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: АН СССР, 1956. — Т. 12: Письма 1841–1848 гг. — 596 с.
17. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Худож. лит., 1976. — Т. 1. — 736 с.
18. Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / публ. Н. Г. Розенблюма // Литературное наследство. — М., 1950. — Т. 56. — С. 87–200.
19. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — 448 с.
20. Виноградов И. А. Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // Язык классической литературы. — М., 2007. — Т. 1. — С. 5–24.
21. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. — М., ИМЛИ РАН, 2012. — Т. 2. — 1031 с.
22. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — Т. 3. — 1168 с.
23. Виноградов И. А. Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. — Новосибирск, 2012. — С. 20–27.
24. Виноградов И. А. Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії / Гоголеведческие штудии. — Ніжин, 2012. — Вып. 2 (19). — С. 17–75.
25. Виноградов И. А. ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции. — Ижевск: Изд-во Удмуртский университет, 2012. — С. 117–182.

26. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь как славянофил: Славянская тема в наследии писателя // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. — Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. — С. 199–219 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429614824.pdf.
27. Виноградов И. А. Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. — М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2017. — С. 69–77.
28. Виноградов И. А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX вв. — М.: ИМЛИ РАН, 2016. — С. 141–183.
29. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852): в 7 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — Т. 2: 1829–1836. — 672 с.
30. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От Повести о соре к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017 (принято к печати).
31. Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. — М.: ИМЛИ РАН, 2017 (принято к печати).
32. Виноградов И. А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // *Studia Litterarum*. — М.: ИМЛИ РАН, 2017 (принято к печати).
33. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 3–4. — 680 с.
34. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 5. — 674 с.
35. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 6. — 741 с.
36. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 11. — 479 с.
37. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 12. — 698 с.
38. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 13. — 587 с.
39. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 14. — 606 с.

40. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — Т. 15. — 618 с.
41. Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Литературное наследство. — М., 1952. — Т. 58. — С. 533–772 [Электронный ресурс]. — URL: <http://litnasledstvo.ru/site/book/id/32> (15.03.2017).
42. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1986. — Т. 29. — Кн. 1. — 576 с.
43. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь в его религиозных исканиях // Христианская Мысль. — Киев, 1916. — № 1. — С. 26–57.
44. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. — Париж: YMCA-Press, 1926. — 292 с.
45. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. — Париж: YMCA-Press, 1961. — 261 с.
46. Коншина Е. Н. Письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому // Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. — М., 1939. — Сб. 4. — С. 202–207.
47. Кошелев В. А. К. С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). — СПб., 1992. — <Вып. 1>. — С. 306–312.
48. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 512 с.
49. [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина: <в 12 т.> — М., 1911. — Т. 12: Письма, 1840–1853. — 478 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003890075#?page=1> (15.03.2017).
50. [Хомяков А. С.] Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова: <в 8 т.> — М.: Унив. тип., 1900. — Т. 8. — 480 + 58 с.
51. Чернышевский Н. Г. Дневник 1849 г. № 2 с апреля 13 // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М.: Гослитиздат, 1939. — Т. 1: Дневники. Из автобиографии. Воспоминания. — С. 267–298.

Igor A. Vinogradov

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

info@imli.ru

A COSMOPOLITAN OR A PATRIOT? THE CONCEPTION OF PATRIOTISM IN DISPUTES WITH GOGOL AND ABOUT GOGOL

Abstract. The article puts a question of understanding of patriotism by Gogol and Belinsky. The problem is contemplated within the broad context of the interaction and opposition between Slavophilism and Westernism. The sources of a common mistaken opinion that Gogol's owed his "Slavophilism" to Aksakov are studied. The article is based on an obscure history of the origin of one of Belinsky's polemical statements about Gogol as a writer who did not love Russia enough until 1839 and in fact was a "cosmopolitan poet". In this regard, a particular attitude of Aksakov family toward religious and patriotic ideas of Gogol is taken into consideration. The recollections about Gogol by Sergey Timofeevich Aksakov-father — who shared Belinsky's viewpoint in 1840 and inserted it later in his memoirs about Gogol, as well as the nature of the relationship of Gogol and Aksakov-father in the 1830s–1840s, are analyzed. Gogol's views on the problem of difference between imaginary and true patriotism are introduced. The place of Gogol in the confrontation between the Slavophiles and Westerners is determined.

Keywords: Gogol, Westerners, Slavophiles, biography, ideology, creativity, interpretation, hermeneutics, concept, patriotism

References

1. Aksakov I. S. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* [Ivan Sergeevich Aksakov in His Letters]. Moscow, 1888, part 1, vol. 2, 410 + 57 p. (In Russ.)
2. Aksakov I. S. Letters of V. G. Belinsky to K. S. Aksakov. Editor's Note. In: *Rus'*, 1881, no. 8, 3 January, pp. 14–15. Available at: http://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050488/viewer/?page=14 (accessed 15 March 2017). (In Russ.)
3. Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to Nearest and Dearest. 1844–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 704 p. (In Russ.)
4. Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Letters to Nearest and Dearest. 1849–1856]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 653 p. (In Russ.)
5. Aksakov K. S. Unpublished Letters from Abroad by K. S. Aksakov, 1838, with Notes by G. M. Knyazev (Continuation). In: *Kosmopolis* [Cosmopolis]. St. Petersburg, 1898, vol. 10, no. 4, April, pp. 74–88. (In Russ.)

6. Aksakov K. S. Unpublished Letters from Abroad by K. S. Aksakov, 1838, with Notes by G. M. Knyazev (Continuation). In: *Kosmopolis [Cosmopolis]*. St. Petersburg, 1898, vol. 11, no. 7, July, pp. 70–89. (In Russ.)
7. Aksakov K. S. The Seven Hundred Year Anniversary of Moscow. In: *Moskovskie Vedomosti*, 1846, 23 April (no. 49), pp. 344–346. (In Russ.)
8. Aksakov K. S. A Voice from Moscow (1848). Western Europe and Nation <1849>. In: *Literatura i istoriya (Istoricheskiy protsess v tvorcheskoy soznanii russkikh pisateley XVIII–XX vekov) [Literature and History (The Historical Process in the Creative Consciousness of Russian Writers of the 18th–20th Centuries)]*. St. Petersburg, 1992, issue 1, pp. 297–305. (In Russ.)
9. Aksakov S. T. *Istoriya moego znakomstva s Gogolem [The Story of My Acquaintance with Gogol]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 296 p. (In Russ.)
10. <V. B.> Belinskiy V. G. Selected Extracts of Nikolai Gogol's Correspondence with Friends. St. Petersburg. 1847. In: *Sovremennik*, 1847, vol. 1, no. 2, dept. 3, pp. 103–124. (In Russ.)
11. Belinskiy V. G. Literary Dreams. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 1, pp. 20–104. (In Russ.)
12. Belinskiy V. G. The Literary Conversation Overheard in a Bookshop. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6: Articles and Reviews 1842–1843, pp. 351–365. (In Russ.)
13. Belinskiy V. G. Explanation of the Explanation of the Poem “Dead Souls” by Gogol. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 6: Articles and Reviews 1842–1843, pp. 410–431. (In Russ.)
14. Belinskiy V. G. About the Poems of Mr. Baratynsky. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 1, pp. 320–327. (In Russ.)
15. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 11: Letters from 1829–1840. 719 p. (In Russ.)
16. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 12: Letters from 1841–1848. 596 p. (In Russ.)
17. Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy: v 9 tomakh [Collected Works: in 9 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976, vol. 1. 736 p. (In Russ.)
18. Belinsky in the Unpublished Correspondence of His Contemporaries (1834–1848). In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, 1950, vol. 56, pp. 87–200. (In Russ.)
19. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniya [Gogol Is an Artist and a Thinker: Christian Foundations*

- of the World Outlook]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
20. Vinogradov I. A. Gogol and Slavdom (On the Problem of the Linguistic Unity of the Slavs). In: *Yazyk klassicheskoy literatury [The Language of Classic Literature]*. Moscow, 2007, vol. 1, pp. 5–24. (In Russ.)
  21. Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: The Complete Digest of Documentary Records: in 3 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012, vol. 2. 1031 p. (In Russ.)
  22. Vinogradov I. A. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries: The Complete Digest of Documentary Records: in 3 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, vol. 3. 1168 p. (In Russ.)
  23. Vinogradov I. A. Gogol in the Unanimity of the Slavs. In: *Gogol' i traditsionnaya slavyanskaya kul'tura. Dvenadtsatye Gogolevskie chteniya [Gogol and Traditional Slavic Culture. The Twelfth Gogol Readings]*. Novosibirsk, 2012, pp. 20–27. (In Russ.)
  24. Vinogradov I. A. The Dispute Between K. S. Aksakov and V. G. Belinsky: Cultural and Historical Aspects of Debates About the Genre of “Dead Souls”. In: *Gogolevedcheskie studii [The Gogol Studies]*. Nizhyn, 2012, issue 2 (19), pp. 17–75. (In Russ.)
  25. Vinogradov I. A. ...Both on the Other Side and on This Side of Dikanka. In: *Tvorchestvo N. V. Gogolya v kontekste pravoslavnoy traditsii [Works of N. Gogol Within the Context of the Orthodox Tradition]*. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2012, pp. 117–182. (In Russ.)
  26. Vinogradov I. A. N. V. Gogol as Slavophile: A Slavic Theme in the Writer's Heritage. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2014. Vol. 12: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XII–XXI vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzet, zhanr [The Gospel Text in Russian Literature of the 12th–21th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]*. Issue 9, pp. 199–219. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429614824.pdf (In Russ.)
  27. Vinogradov I. A. Russian, Polish and Ukrainian Slavophilism: N. V. Gogol, A. Mickiewicz and M. M. Bodyansky. In: *Gogol' i slavyanskiy mir. Shestnadtsatye Gogolevskie chteniya [Gogol and the Slavic World. The Sixteenth Gogol Readings]*. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom Publ., 2017, pp. 69–77. (In Russ.)
  28. Vinogradov I. A. “History of the Russian State” in Gogol's Creative Heritage. In: *A. P. Sumarokov i N. M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoy trety XIX vekov [A. P. Sumarokov and N. M. Karamzin in the Literary Process of Russia of the 18th — the First Third of the 19th Centuries]*.

- Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 141–183. (In Russ.)
29. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, vol. 2: 1829–1836. 672 p. (In Russ.)
  30. Vinogradov I. A. Blessed are the Peacemakers. From the Tale about a Quarrel to the Concept of “Dead Souls”. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9: Philology], 2017. (In Print). (In Russ.)
  31. Vinogradov I. A. The Most Patriotic Book of Our Literature (“The Selected Extracts of Nikolai Gogol’s Correspondence with Friends”). In: *Literaturnyy fakt* [A Literary Fact]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. (In Print). (In Russ.)
  32. Vinogradov I. A. Gogol and Western Slavophilism: To the Question of the Problem Statement. In: *Studia Litterarum*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. (In Print). (In Russ.)
  33. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 3–4. 680 p. (In Russ.)
  34. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 5. 674 p. (In Russ.)
  35. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 6. 741 p. (In Russ.)
  36. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 11. 479 p. (In Russ.)
  37. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 12. 698 p. (In Russ.)
  38. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 13. 587 p. (In Russ.)
  39. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 14. 606 p. (In Russ.)
  40. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 15. 618 p. (In Russ.)
  41. Gogol in the Unpublished Correspondence of His Contemporaries (1833–1853). In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. 1952, vol. 58,

- pp. 533–772. Available at: <http://litnasledstvo.ru/site/book/id/32> (accessed 15 March 2017). (In Russ.)
42. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, book 1. 576 p. (In Russ.)
  43. Zen'kovskiy V. V. N. V. Gogol in His Religious Strivings. In: *Khristianskaya Mysl'* [A Christian Thought]. Kiev, 1916, no. 1, pp. 26–57. (In Russ.)
  44. Zen'kovskiy V. V. *Russkie mysliteli i Evropa. Kritika evropeyskoy kul'tury u russkikh mysliteley* [Russian Thinkers and Europe. Criticism of European Culture Among Russian Thinkers]. Paris, YMCA-Press Publ., 1926. 292 p. (In Russ.)
  45. Zen'kovskiy V. V. N. V. Gogol. Paris, YMCA-Press Publ., 1961. 261 p. (In Russ.)
  46. Konshina E. N. Letters of K. S. Aksakov to V. G. Belinsky. In: *Trudy Vsesoyuznoy biblioteki imeni V. I. Lenina* [Proceedings of the All-Union Library Named After Lenin]. Moscow, 1939, coll. 4, pp. 202–207. (In Russ.)
  47. Koshelev V. A. K. S. Aksakov and Western Revolutions. The Publicistic Articles of 1848. In: *Literatura i istoriya (Istoricheskiy protsess v tvorcheskom soznanii russkikh pisateley XVIII–XX vekov)* [Literature and History (The Historical Process in the Creative Consciousness of Russian Writers of the 18th — 20th Centuries)]. St. Petersburg, 1992, issue 1, pp. 306–312. (In Russ.)
  48. Koshelev V. A. *Aleksey Stepanovich Khomyakov, zhizneopisanie v dokumentakh, v rassuzhdeniyakh i razyskaniyakh* [Alexey Stepanovich Khomyakov, Biography in Documents, Reasonings and Researches]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)
  49. Samarin Yu. F. *Sochineniya Yu. F. Samarina: v 12 tomakh* [Writings of Yu. F. Samarin: in 12 Vols]. Moscow, 1911, vol. 12: Letters, 1840–1853. 478 p. Available at: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003890075#?page=1> (accessed 15 March 2017). (In Russ.)
  50. Khomyakov A. S. *Polnoe sobranie sochineniy Alekseya Stepanovicha Khomyakova: v 8 tomakh* [Complete Works of Alexei Stepanovich Khomyakov: in 8 Vols]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, vol. 8. 480 + 58 p. (In Russ.)
  51. Chernyshevskiy N. G. The Diary of 1849. No. 2 from April 13. In: *Chernyshevskiy N. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Chernyshevsky N. G. Complete Works: in 15 Vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1939, vol. 1: Diaries. From the Autobiography. Memories, pp. 267–298. (In Russ.)